

Антон Павлович Чехов

Поцелуй - русский и английский параллельные тексты

Двадцатого мая, в восемь часов вечера, все шесть батарей N-й резервной артиллерийской бригады, направлявшейся в лагерь, остановились на ночевку в селе Местечках. В самый разгар суматохи, когда одни офицеры хлопотали около пушек, а другие, съехавшись на площади около церковной ограды, выслушивали квартирьеров, из-за церкви показался верховой в штатском платье и на странной лошади...

Anton Chekhov.	А.П.Чехов.
The Kiss.	Поцелуй.
At eight o'clock on the evening of the twentieth of May all the six batteries of the N— Reserve Artillery Brigade halted for the night in the village of Myestetchki on their way to camp.	Двадцатого мая, в восемь часов вечера, все шесть батарей N-й резервной артиллерийской бригады, направлявшейся в лагерь, остановились на ночевку в селе Местечках.

When the general commotion was at its height, while some officers were busily occupied around the guns, while others, gathered together in the square near the church enclosure, were listening to the quartermasters, a man in civilian dress, riding a strange horse, came into sight round the church.

В самый разгар суматохи, когда одни офицеры хлопотали около пушек, а другие, съехавшись на площади около церковной ограды, выслушивали квартирмейстеров, из-за церкви показался верховой в штатском платье и на странной лошади.

The little dun-coloured horse with a good neck and a short tail came, moving not straight forward, but as it were sideways, with a sort of dance step, as though it were being lashed about the legs.

Лошадь буланая и маленькая, с красивой шеей и с коротким хвостом, шла не прямо, а как-то боком и выделявала ногами маленькие плясовые движения, как будто ее били хлыстом по ногам.

When he reached the officers the man on the horse took off his hat and said:

Подъехав к офицерам, верховой поднял шляпу и сказал:

"His Excellency Lieutenant-General von Rabbek invites the gentlemen to drink tea with him this minute. . ."

-- Его превосходительство генерал-лейтенант фон Раббек, здешний помещик, приглашает господ офицеров пожаловать к нему сию минуту на чай...

The horse turned, danced, and retired sideways; the messenger raised his hat once more, and in an instant disappeared with his strange horse behind the church.

Лошадь поклонилась, затанцевала и попятилась боком назад; верховой еще раз приподнял шляпу и через мгновение вместе со своею странною лошадью исчез за церковью.

"What the devil does it mean?" grumbled some of the officers, dispersing to their quarters. "One is sleepy, and here this Von Rabbek with his tea!"

-- Черт знает что такое! -- ворчали некоторые офицеры, расходясь по квартирам. -- Спать хочется, а тут этот фон Раббек со своим чаем!

We know what tea means."

Знаем, какой тут чай!

The officers of all the six batteries remembered vividly an incident of the previous year, when during manoeuvres they, together with the officers of a Cossack regiment, were in the same way invited to tea by a count who had an estate in the neighbourhood and was a retired army officer: the hospitable and genial count made much of them, fed them, and gave them drink, refused to let them go to their quarters in the village and made them stay the night.

Офицерам всех шести батарей живо припомнился прошлогодний случай, когда во время маневров они, и с ними офицеры одного казачьего полка, таким же вот образом были приглашены на чай одним помещиком-графом, отставным военным; гостеприимный и радужный граф обладал их, накормил, напоил и не пустил в деревню на квартиры, а оставил ночевать у себя.

All that, of course, was very nice -- nothing better could be desired, but the worst of it was, the old army officer was so carried

Все это, конечно, хорошо, лучшего и не нужно, но беда в том, что отставной военный обрадовался молодости не в меру. Он

away by the pleasure of the young men's company that till sunrise he was telling the officers anecdotes of his glorious past, taking them over the house, showing them expensive pictures, old engravings, rare guns, reading them autograph letters from great people, while the weary and exhausted officers looked and listened, longing for their beds and yawning in their sleeves; when at last their host let them go, it was too late for sleep.

до самой зари рассказывал офицерам эпизоды из своего хорошего прошлого, водил их по комнатам, показывал дорогие картины, старые гравюры, редкое оружие, читал подлинные письма высокопоставленных людей, а измученные, утомленные офицеры слушали, глядели и, тоскуя по постелям, осторожно зевали в рукава; когда наконец хозяин отпустил их, спать было уже поздно.

Might not this Von Rabbek be just such another?

Не таков ли и этот фон Раббек?

Whether he were or not, there was no help for it.

Таков или не таков, но делать было нечего.

The officers changed their uniforms, brushed themselves, and went all together in search of the gentleman's house.

Офицеры приоделись, почистились и гурьбою пошли искать помещичий дом.

In the square by the church they were told they could get to His Excellency's by the lower path -- going down behind the church to the river, going along the bank to the garden, and there an avenue would taken them to the house; or by the upper way -- straight from the church by the road which, half a mile from the village, led right up to His Excellency's granaries.

На площади, около церкви, им сказали, что к господам можно пройти низом -- за церковью спуститься к реке и идти берегом до самого сада, а там аллеи доведут куда нужно, или же верхом -- прямо от церкви по дороге, которая в полуверсте от деревни упирается в господские амбары.

The officers decided to go by the upper way.

Офицеры решили идти верхом.

<p>"What Von Rabbek is it?" they wondered on the way. "Surely not the one who was in command of the N—cavalry division at Plevna?"</p>	<p>-- Какой же это фон Раббек? -- рассуждали они дорогой. -- Не тот ли, что под Плевной командовал N-й кавалерийской дивизией?</p>
<p>"No, that was not Von Rabbek, but simply Rabbe and no 'von.' "</p>	<p>-- Нет, тот не фон Раббек, а просто Раббе, и без фон.</p>
<p>"What lovely weather!"</p>	<p>-- А какая хорошая погода!</p>
<p>At the first of the granaries the road divided in two: one branch went straight on and vanished in the evening darkness, the other led to the owner's house on the right.</p>	<p>У первого господского амбара дорога раздваивалась: одна ветвь шла прямо и исчезала в вечерней мгле, другая -- вела вправо к господскому дому.</p>
<p>The officers turned to the right and began to speak more softly. . . .</p>	<p>Офицеры повернули вправо и стали говорить тише...</p>

On both sides of the road stretched stone granaries with red roofs, heavy and sullen-looking, very much like barracks of a district town.

По обе стороны дороги тянулись каменные амбары с красными крышами, тяжелые и суровые, очень похожие на казармы уездного города.

Ahead of them gleamed the windows of the manor-house.

Впереди светились окна господского дома.

"A good omen, gentlemen," said one of the officers. "Our setter is the foremost of all; no doubt he scents game ahead of us! . . ."

-- Господа, хорошая примета! -- сказал кто-то из офицеров. -- Наш сеттер идет впереди всех; значит, чует, что будет добыча!..

Lieutenant Lobytko, who was walking in front, a tall and stalwart fellow, though entirely without moustache (he was over five-and-twenty, yet for some reason there was no sign of hair on his

Шедший впереди всех поручик Лобытко, высокий и плотный, но совсем безусый (ему было более двадцати пяти лет, но на его круглом, сытом лице почему-то еще не показывалась раститель-

round, well-fed face), renowned in the brigade for his peculiar faculty for divining the presence of women at a distance, turned round and said:

ность), славившийся в бригаде своим чутьем и умением угадывать на расстоянии присутствие женщин, обернулся и сказал:

"Yes, there must be women here; I feel that by instinct."

-- Да, здесь женщины должны быть. Это я инстинктом чувствую.

On the threshold the officers were met by Von Rabbek himself, a comely-looking man of sixty in civilian dress.

У порога дома офицеров встретил сам фон Раббек, благообразный старик лет шестидесяти, одетый в штатское платье.

Shaking hands with his guests, he said that he was very glad and happy to see them, but begged them earnestly for God's sake to excuse him for not asking them to stay the night; two sisters with their children, some brothers, and some neighbours, had come on a visit to him, so that he had not one spare room left.

The General shook hands with every one, made his apologies, and smiled, but it was evident by his face that he was by no means so delighted as their last year's count, and that he had invited the officers simply because, in his opinion, it was a social obligation to do so.

Пожимая гостям руки, он сказал, что он очень рад и счастлив, но убедительно, ради Бога, просит господ офицеров извинить его за то, что он не пригласил их к себе ночевать; к нему приехали две сестры с детьми, братья и соседи, так что у него не осталось ни одной свободной комнаты.

Генерал пожимал всем руки, просил извинения и улыбался, но по лицу его видно было, что он был далеко не так рад гостям, как прошлогодний граф, и что пригласил он офицеров только потому, что этого, по его мнению, требовало приличие.

And the officers themselves, as they walked up the softly carpeted stairs, as they listened to him, felt that they had been invited to this house simply because it would have been awkward not to invite them; and at the sight of the footmen, who hastened to light the lamps in the entrance below and in the anteroom above, they began to feel as though they had brought uneasiness and discomfort into the house with them.

И сами офицеры, идя вверх по мягкой лестнице и слушая его, чувствовали, что они приглашены в этот дом только потому, что было бы неловко не пригласить их, и при виде лакеев, которые спешили зажигать огни внизу у входа и наверху в передней, им стало казаться, что они внесли с собою в этот дом беспокойство и тревогу.

In a house in which two sisters and their children, brothers, and neighbours were gathered together, probably on account of some family festivity, or event, how could the presence of nineteen unknown officers possibly be welcome?

Там, где, вероятно, ради какого-нибудь семейного торжества или события съехались две сестры с детьми, братья и соседи, может ли понравиться присутствию девятнадцати незнакомых офицеров?

At the entrance to the drawing-room the officers were met by a tall, graceful old lady with black eyebrows and a long face, very much like the Empress Eug?nie.

Наверху, у входа в залу, гости были встречены высокой и стройной старухой с длинным чернобровым лицом, очень похожей на императрицу Евгению.

Smiling graciously and majestically, she said she was glad and happy to see her guests, and apologized that her husband and she were on this occasion unable to invite messieurs les officiers to stay the night.

Приветливо и величественно улыбаясь, она говорила, что рада и счастлива видеть у себя гостей, и извинялась, что она и муж лишены на этот раз возможности пригласить гг. офицеров к себе ночевать.

From her beautiful majestic smile, which instantly vanished from her face every time she turned away from her guests, it was evident that she had seen numbers of officers in her day, that she was in no humour for them now, and if she invited them to her house and apologized for not doing more, it was only because her breeding and position in society required it

По ее красивой, величественной улыбке, которая мгновенно исчезала с лица всякий раз, когда она отворачивалась за чем-нибудь от гостей, видно было, что на своем веку она видела много гг. офицеров, что ей теперь не до них, а если она пригласила их к себе в дом и извиняется, то только потому, что этого требуют ее воспитание и положение в

of her.

свете.

When the officers went into the big dining-room, there were about a dozen people, men and ladies, young and old, sitting at tea at the end of a long table.

В большой столовой, куда вошли офицеры, на одном краю длинного стола сидело за чаем с десяток мужчин и дам, пожилых и молодых.

A group of men was dimly visible behind their chairs, wrapped in a haze of cigar smoke; and in the midst of them stood a lanky young man with red whiskers, talking loudly, with a lisp, in English.

За их стульями, окутанная легким сигарным дымом, темнела группа мужчин; среди нее стоял какой-то худощавый молодой человек с рыжими бачками и, картавя, о чем-то громко говорил по-английски.

Through a door beyond the group could be seen a light room with pale blue furniture.

Из-за группы, сквозь дверь, видна была светлая комната с голубою мебелью.

"Gentlemen, there are so many of you that it is impossible to introduce you all!" said the General in a loud voice, trying to sound very cheerful. "Make each other's acquaintance, gentlemen, without any ceremony!"

-- Господа, вас так много, что представлять нет никакой возможности! -- сказал громко генерал, стараясь казаться очень веселым. -- Знакомьтесь, господа, сами попросту!

The officers -- some with very serious and even stern faces, others with forced smiles, and all feeling extremely awkward -- somehow made their bows and sat down to tea.

Офицеры -- одни с очень серьезными и даже строгими лицами, другие, натянуто улыбаясь, и все вместе чувствуя себя очень неловко, кое-как раскланялись и сели за чай.

The most ill at ease of them all was Ryabovitch -- a little officer in spectacles, with sloping shoulders, and whiskers like a lynx's.

Больше всех чувствовал себя неловко штабс-капитан Рябович, маленький сутуловатый офицер, в очках и с бакенами, как у рыси.

While some of his comrades assumed a serious expression, while others wore forced smiles, his face, his lynx-like whiskers, and spectacles seemed to say:

В то время как одни из его товарищей делали серьезные лица, а другие натянуто улыбались, его лицо, рысьи бакены и очки как бы говорили:

"I am the shyest, most modest, and most undistinguished officer in the whole brigade!"

"Я самый робкий, самый скромный и самый бесцветный офицер во всей бригаде!"

At first, on going into the room and sitting down to the table, he could not fix his attention on any one face or object.

На первых порах, входя в столовую и потом сидя за чаем, он никак не мог остановить своего внимания на каком-нибудь одном лице или предмете.

The faces, the dresses, the cut-glass decanters of brandy, the steam from the glasses, the moulded cornices -- all blended in one general impression that inspired in Ryabovitch alarm and a desire to hide his head.

Лица, платья, граненные графинчики с коньяком, пар от стаканов, лепные карнизы -- все это сливалось в одно общее, громадное впечатление, вселявшее в Рябовича тревогу и желание спрятать свою голову.

Like a lecturer making his first appearance before the public, he saw everything that was before his eyes, but apparently only had a dim understanding of it (among physiologists this condition, when the subject sees but does not understand, is called psychical blindness).

Подобно чтецу, впервые выступающему перед публикой, он видел все, что было у него перед глазами, но видимое как-то плохо понималось (у физиологов такое состояние, когда субъект видит, но не понимает, называется "психической слепотой").

After a little while, growing accustomed to his surroundings,

Немного же погодя, освоившись, Рябович прозрел и стал

Ryabovitch saw clearly and began to observe.

наблюдать.

As a shy man, unused to society, what struck him first was that in which he had always been deficient - namely, the extraordinary boldness of his new acquaintances.

Ему, как человеку робкому и необщественному, прежде всего бросилось в глаза то, чего у него никогда не было, а именно -необыкновенная храбрость новых знакомых.

Von Rabbek, his wife, two elderly ladies, a young lady in a lilac dress, and the young man with the red whiskers, who was, it appeared, a younger son of Von Rabbek, very cleverly, as though they had rehearsed it beforehand, took seats between the officers, and at once got up a heated discussion in which the visitors could not help taking part.

The lilac young lady hotly asserted that the artillery had a much better time than the cavalry and the infantry, while Von Rabbek and the elderly ladies maintained the opposite.

Фон Раббек, его жена, две пожилые дамы, какая-то барышня в сиреневом платье и молодой человек с рыжими бачками, оказавшийся младшим сыном Раббека, очень хитро, точно у них ранее была репетиция, разместились среди офицеров и тотчас же подняли горячий спор, в который не могли не вмешаться гости.

Сиреневая барышня стала горячо доказывать, что артиллеристам живется гораздо легче, чем кавалерии и пехоте, а Раббек и пожилые дамы утверждали противное.

A brisk interchange of talk followed.

Начался перекрестный разговор.

Ryabovitch watched the lilac young lady who argued so hotly about what was unfamiliar and utterly uninteresting to her, and watched artificial smiles come and go on her face.

Рябович глядел на сиреневую барышню, которая очень горячо спорила о том, что было для нее чуждо и вовсе не интересно, и следил, как на ее лице появлялись и исчезали неискренние улыбки.

Von Rabbek and his family skilfully drew the officers into the discussion, and meanwhile kept a sharp lookout over their glasses and mouths, to see whether all of them were drinking, whether all had enough sugar, why some one was not eating cakes or not drinking brandy.

Фон Раббек и его семья искусно втягивали офицеров в спор, а сами между тем зорко следили за их стаканами и ртами, все ли они пьют, у всех ли сладко и отчего такой-то не ест бисквитов или не пьет коньяку.

And the longer Ryabovitch watched and listened, the more he was attracted by this insincere but splendidly disciplined family.

И чем больше Рябович глядел и слушал, тем больше нравилась ему эта неискренняя, но прекрасно дисциплинированная семья.

After tea the officers went into the drawing-room.

После чая офицеры пошли в зал.

Lieutenant Lobytko's instinct had not deceived him. There were a great number of girls and young married ladies.

Чутье не обмануло поручика Лобытко: в зале было много барышень и молодых дам.

The "setter" lieutenant was soon standing by a very young, fair girl in a black dress, and, bending down to her jauntily, as though leaning on an unseen sword, smiled and shrugged his shoulders coquettishly.

Сеттер-поручик уже стоял около одной очень молоденькой блондинки в черном платье и, ухарски изогнувшись, точно опираясь на невидимую саблю, улыбался и кокетливо играл плечами.

He probably talked very interesting nonsense, for the fair girl looked at his well-fed face condescendingly and asked indifferently,

"Really?"

Он говорил, вероятно, какой-нибудь очень интересный вздор, потому что блондинка снисходительно глядела на его сытое лицо и равнодушно спрашивала:

"Неужели?"

And from that uninterested "Really?" the setter, had he been intelligent, might have concluded that she would never call him to heel.

И по этому бесстрастному "неужели" сеттер, если бы был умен, мог бы заключить, что ему едва ли крикнут "пиль!".

The piano struck up; the melancholy strains of a valse floated out of the wide open windows, and every one, for some reason, remembered that it was spring, a May evening.

Загремел рояль; грустный вальс из залы полетел в настежь открытые окна, и все почему-то вспомнили, что за окнами теперь весна, майский вечер.

Every one was conscious of the fragrance of roses, of lilac, and of the young leaves of the poplar.

Все почувствовали, что в воздухе пахнет молодой листвой тополя, розами и сиренью.

Ryabovitch, in whom the brandy he had drunk made itself felt, under the influence of the music stole a glance towards the window, smiled, and began watching the movements of the women, and it seemed to him that the smell of roses, of poplars, and lilac came not from the garden, but from the ladies' faces and dresses.

Рябович, в котором, под влиянием музыки, заговорил выпитый коньяк, покосился на окно, улыбнулся и стал следить за движениями женщин, и ему уже казалось, что запах роз, тополя и сирени идет не из сада, а от женских лиц и платьев.

Von Rabbek's son invited a scraggy-looking young lady to dance, and waltzed round the room twice with her.

Сын Раббека пригласил какую-то тощую девицу и сделал с нею два тура.

<p>Lobytko, gliding over the parquet floor, flew up to the lilac young lady and whirled her away.</p>	<p>Лобытко, скользя по паркету, подлетел к сиреневой барышне и понесся с нею по зале.</p>
<p>Dancing began. . . .</p>	<p>Танцы начались...</p>
<p>Ryabovitch stood near the door among those who were not dancing and looked on.</p>	<p>Рябович стоял около двери среди нетанцующих и наблюдал.</p>
<p>He had never once danced in his whole life, and he had never once in his life put his arm round the waist of a respectable woman.</p>	<p>Во всю свою жизнь он ни разу не танцевал, и ни разу в жизни ему не приходилось обнимать талию порядочной женщины.</p>
<p>He was highly delighted that a man should in the sight of all take a girl he did not know round the waist and offer her his shoulder to put her hand on, but he could not imagine himself in the position of such a man.</p>	<p>Ему ужасно нравилось, когда человек у всех на глазах брал незнакомую девушку за талию и подставлял ей для руки свое плечо, но вообразить себя в положении этого человека он никак не мог.</p>

There were times when he envied the boldness and swagger of his companions and was inwardly wretched; the consciousness that he was timid, that he was round-shouldered and uninteresting, that he had a long waist and lynx-like whiskers, had deeply mortified him, but with years he had grown used to this feeling, and now, looking at his comrades dancing or loudly talking, he no longer envied them, but only felt touched and mournful.

When the quadrille began, young Von Rabbek came up to those who were not dancing and invited two officers to have a game at billiards.

Было время, когда он завидовал храбрости и прыти своих товарищей и болел душою; сознание, что он робок, сутуловат и бесцветен, что у него длинная талия и рысьи бакены, глубоко оскорбляло его, но с годами это сознание стало привычным, и теперь он, глядя на танцующих или громко говорящих, уже не завидовал, а только грустно умилялся.

Когда началась кадрили, молодой фон Раббек подошел к нетанцующим и пригласил двух офицеров сыграть на бильярде.

The officers accepted and went with him out of the drawing-room.

Офицеры согласились и пошли с ним из залы.

Ryabovitch, having nothing to do and wishing to take part in the general movement, slouched after them.

Рябович от нечего делать, желая принять хоть какое-нибудь участие в общем движении, поплелся за ними.

From the big drawing-room they went into the little drawing-room, then into a narrow corridor with a glass roof, and thence into a room in which on their entrance three sleepy-looking footmen jumped up quickly from the sofa.

Из залы они прошли в гостиную, потом в узкий стеклянный коридор, отсюда в комнату, где при появлении их быстро вскочили с диванов три сонные лакейские фигуры.

At last, after passing through a long succession of rooms, young Von Rabbek and the officers came into a small room where there was a billiard-table.

Наконец, пройдя целый ряд комнат, молодой Раббек и офицеры вошли в небольшую комнату, где стоял бильярд.

They began to play.

Началась игра.

Ryabovitch, who had never played any game but cards, stood near the billiard-table and looked indifferently at the players, while they in unbuttoned coats, with cues in their hands, stepped about, made puns, and kept shouting out unintelligible words.

Рябович, никогда не игравший ни во что, кроме карт, стоял возле бильярда и равнодушно глядел на игроков, а они, в расстегнутых сюртуках, с киями в руках, шагали, каламбурили и выкрикивали непонятные слова.

The players took no notice of him, and only now and then one of them, shoving him with his elbow or accidentally touching him with the end of his cue, would turn round and say

Игроки не замечали его, и только изредка кто-нибудь из них, толкнув его локтем или зацепив нечаянно кием, обращивался и говорил:

"Pardon!"

"Pardon!"

Before the first game was over he was weary of it, and began to feel he was not wanted and in the way. .

Первая партия еще не кончилась, а уж он соскучился, и ему стало казаться, что он лишний и мешает...

He felt disposed to return to the drawing-room, and he went out.

Его потянуло обратно в залу, и он вышел.

On his way back he met with a little adventure.

На обратном пути ему пришлось пережить маленькое приключение.

When he had gone half-way he noticed he had taken a wrong turning.

На полдороге он заметил, что идет не туда, куда нужно.

He distinctly remembered that he ought to meet three sleepy footmen on his way, but he had passed five or six rooms, and those sleepy figures seemed to have vanished into the earth.

Он отлично помнил, что на пути ему должны встретиться три сонные лакейские фигуры, но прошел он пять-шесть комнат, эти фигуры точно сквозь землю провалились.

Noticing his mistake, he walked back a little way and turned to the right; he found himself in a little dark room which he had not seen on his way to the billiard-room. After standing there a little while, he resolutely opened the first door that met his eyes and walked into an absolutely dark room.

Заметив свою ошибку, он прошел немного назад, взял вправо и очутился в полутемном кабинете, какого не видал, когда шел в бильярдную; постояв здесь полминуты, он решительно отворил первую попавшуюся ему на глаза дверь и вошел в совершенно темную комнату.

Straight in front could be seen the crack in the doorway through which there was a gleam of vivid light; from the other side of the door came the muffled sound of a melancholy mazurka.

Прямо видна была дверная щель, в которую бил яркий свет; из-за двери доносились глухие звуки грустной мазурки.

Here, too, as in the drawing-room, the windows were wide open and there was a smell of poplars, lilac and roses. . . .

Тут так же, как и в зале, окна были открыты настежь и пахло топодем, сиренью и розами...

Ryabovitch stood still in hesitation. . . .

Рябович остановился в раздумье...

At that moment, to his surprise, he heard hurried footsteps and the rustling of a dress, a breathless feminine voice whispered "At last!" And two soft, fragrant, unmistakably feminine arms were clasped about his neck; a warm cheek was pressed to his cheek, and simultaneously there was the sound of a kiss.

В это время неожиданно для него слышались торопливые шаги и шуршащие платья, женский задыхающийся голос прошептал "наконец-то!", и две мягкие, пахучие, несомненно женские руки охватили его шею; к его щеке прижалась теплая щека и одновременно раздался звук поцелуя.

But at once the bestower of the kiss uttered a faint shriek and skipped back from him, as it seemed to Ryabovitch, with aversion.

Но тотчас же целовавшая слегка вскрикнула и, как показалось Рябовичу, с отвращением отскочила от него.

He, too, almost shrieked and rushed towards the gleam of light at the door. . . .

Он тоже едва не вскрикнул и бросился к яркой дверной щели...

When he went back into the drawing-room his heart was beating and his hands were trembling so noticeably that he made haste to hide them behind his back.

Когда он вернулся в залу, сердце его билось и руки дрожали так заметно, что он поторопился спрятать их за спину.

At first he was tormented by shame and dread that the whole drawing-room knew that he had just been kissed and embraced by a woman. He shrank into himself and looked uneasily about him, but as he became convinced that people were dancing and talking as calmly as ever, he gave himself up entirely to the new sensation which he had never experienced before in his life.

На первых порах его мучили стыд и страх, что весь зал знает о том, что его сейчас обнимала и целовала женщина, он ежился и беспокойно оглядывался по сторонам, но, убедившись, что в зале по-прежнему преспокойно пляшут и болтают, он весь предался новому, до сих пор ни разу в жизни не испытанному ощущению.

Something strange
was happening to him.

...

His neck, round which
soft, fragrant arms
had so lately been
clasped, seemed to
him to be anointed
with oil; on his left
cheek near his
moustache where the
unknown had kissed
him there was a faint
chilly tingling
sensation as from
peppermint drops, and
the more he rubbed
the place the more
distinct was the chilly
sensation; all over,
from head to foot, he
was full of a strange
new feeling which
grew stronger and
stronger. . . .

He wanted to dance, to
talk, to run into the
garden, to laugh aloud.

...

С ним делалось что-
то странное...

Его шея, которую
только что обхваты-
вали мягкие паху-
чие руки, казалось
ему, была вымазана
маслом; на щеке око-
ло левого уса, куда
поцеловала незна-
комка, дрожал лег-
кий, приятный холо-
док, как от мятных
капель, и чем боль-
ше он тер это место,
тем сильнее чувство-
вался этот холодок;
весь же он от головы
до пят был полон но-
вого странного чув-
ства, которое все рос-
ло и росло...

Ему захотелось пля-
сать, говорить, бе-
жать в сад, громко
смеяться...

He quite forgot that he was round-shouldered and uninteresting, that he had lynx-like whiskers and an "undistinguished appearance" (that was how his appearance had been described by some ladies whose conversation he had accidentally overheard).

Он совсем забыл, что он сутуловат и бесцветен, что у него рысьи бакены и "неопределенная наружность" (так однажды была названа его наружность в дамском разговоре, который он нечаянно подслушал).

When Von Rabbek's wife happened to pass by him, he gave her such a broad and friendly smile that she stood still and looked at him inquiringly.

Когда мимо него проходила жена Раббека, он улыбнулся ей так широко и ласково, что она остановилась и вопросительно поглядела на него.

"I like your house immensely!" he said, setting his spectacles straight.

-- Ваш дом мне ужасно нравится!.. -- сказал он, поправляя очки.

The General's wife smiled and said that the house had belonged to her father; then she asked whether his parents were living, whether he had long been in the army, why he was so thin, and so on. . . .

Генеральша улыбнулась и рассказала, что этот дом принадлежал еще ее отцу, потом она спросила, живы ли его родители, давно ли он на службе, отчего так тощ и проч...

After receiving answers to her questions, she went on, and after his conversation with her his smiles were more friendly than ever, and he thought he was surrounded by splendid people. . . .

Получив ответы на свои вопросы, она пошла дальше, а он после разговора с нею стал улыбаться еще ласковее и думать, что его окружают великолепнейшие люди...

At supper Ryabovitch ate mechanically everything offered him, drank, and without listening to anything, tried to understand what had just happened to him. .

За ужином Рябович машинально ел все, что ему предлагали, пил и, не слыша ничего, старался объяснить себе недавнее приключение.

The adventure was of a mysterious and romantic character, but it was not difficult to explain it.

Это приключение носило характер таинственный и романтический, но объяснить его было нетрудно.

No doubt some girl or young married lady had arranged a tryst with some one in the dark room; had waited a long time, and being nervous and excited had taken Ryabovitch for her hero; this was the more probable as Ryabovitch had stood still hesitating in the dark room, so that he, too, had seemed like a person expecting something. . . .

Наверное, какая-нибудь барышня или дама назначила кому-нибудь свидание в темной комнате, долго ждала и, будучи нервно возбуждена, приняла Рябовича за своего героя; это тем более вероятно, что Рябович, проходя через темную комнату, остановился в раздумье, то есть имел вид человека, который тоже чего-то ждет...

This was how Ryabovitch explained to himself the kiss he had received.

Так и объяснил себе Рябович полученный поцелуй.

"And who is she?" he wondered, looking round at the women's faces. "She must be young, for elderly ladies don't give rendezvous.

"А кто же она? -- думал он, оглядывая женские лица. -- Она должна быть молода, потому что старые не ходят на свидания.

That she was a lady, one could tell by the rustle of her dress, her perfume, her voice. . . ."

Затем, что она интеллигентна, чувствовалось по шороху платья, по запаху, по голосу..."

His eyes rested on the lilac young lady, and he thought her very attractive; she had beautiful shoulders and arms, a clever face, and a delightful voice.

Он остановил взгляд на сиреневой барышне, и она ему очень понравилась; у нее были красивые плечи и руки, умное лицо и прекрасный голос.

Ryabovitch, looking at her, hoped that she and no one else was his unknown. . . .

Рябовичу, глядя на нее, захотелось, чтобы именно она, а не кто другая, была тою незнакомкой...

But she laughed somehow artificially and wrinkled up her long nose, which seemed to him to make her look old. Then he turned his eyes upon the fair girl in a black dress.

Но она как-то неискренне засмеялась и поморщила свой длинный нос, который показался ему старообразным; тогда он перевел взгляд на блондинку в черном платье.

She was younger, simpler, and more genuine, had a charming brow, and drank very daintily out of her wineglass.

Эта была моложе, проще и искреннее, имела прелестные виски и очень красиво пила из рюмки.

Ryabovitch now hoped that it was she.

Рябовичу теперь захотелось, чтобы она была тою.

But soon he began to think her face flat, and fixed his eyes upon the one next her.

Но скоро он нашел, что ее лицо плоско, и перевел глаза на ее соседку...

"It's difficult to guess," he thought, musing. "If one takes the shoulders and arms of the lilac one only, adds the brow of the fair one and the eyes of the one on the left of Lobytko, then . . ."

He made a combination of these things in his mind and so formed the image of the girl who had kissed him, the image that he wanted her to have, but could not find at the table. . . .

After supper, replete and exhilarated, the officers began to take leave and say thank you.

Von Rabbek and his wife began again apologizing that they could not ask them to stay the night.

"Трудно угадать, -- думал он, мечтая. -- Если от сиреневой взять только плечи и руки, прибавить виски блондинки, а глаза взять у этой, что сидит налево от Лобытко, то..."

Он сделал в уме сложение, и у него получился образ девушки, целовавшей его, тот образ, которого он хотел, но никак не мог найти за столом.

После ужина гости, сытые и охмелевшие, стали прощаться и благодарить.

Хозяева опять начали извиняться, что не могут оставить их у себя ночевать.

<p>"Very, very glad to have met you, gentlemen," said Von Rabbek, and this time sincerely (probably because people are far more sincere and good-humoured at speeding their parting guests than on meeting them). "Delighted.</p>	<p>-- Очень, очень рад, господа! -- говорил генерал, и на этот раз искренне (вероятно, оттого, что, провожая гостей, люди бывают гораздо искреннее и добрее, чем встречая). - Очень рад!</p>
<p>I hope you will come on your way back!</p>	<p>Милости просим на обратном пути!</p>
<p>Don't stand on ceremony!</p>	<p>Без церемонии!</p>
<p>Where are you going?</p>	<p>Куда же вы?</p>
<p>Do you want to go by the upper way?</p>	<p>Хотите верхом идти?</p>
<p>No, go across the garden; it's nearer here by the lower way."</p>	<p>Нет, идите через сад, низом -- здесь ближе.</p>
<p>The officers went out into the garden.</p>	<p>Офицеры вышли в сад.</p>

<p>After the bright light and the noise the garden seemed very dark and quiet.</p>	<p>После яркого света и шума в саду показалось им очень темно и тихо.</p>
<p>They walked in silence all the way to the gate.</p>	<p>До самой калитки шли они молча.</p>
<p>They were a little drunk, pleased, and in good spirits, but the darkness and silence made them thoughtful for a minute.</p>	<p>Были они полупьяны, веселы, довольны, но потемки и тишина заставили их на минуту призадуматься.</p>
<p>Probably the same idea occurred to each one of them as to Ryabovitch: would there ever come a time for them when, like Von Rabbek, they would have a large house, a family, a garden -- when they, too, would be able to welcome people, even though insincerely, feed them, make them drunk and contented?</p>	<p>Каждому из них, как Рябовичу, вероятно, пришла одна и та же мысль: настанет ли и для них когда-нибудь время, когда они, подобно Раббеку, будут иметь большой дом, семью, сад, когда и они будут иметь так же возможность, хотя бы неискренне, ласкать людей, делать их сытыми, пьяными, довольными?</p>

Going out of the garden gate, they all began talking at once and laughing loudly about nothing.

Выйдя из калитки, они все сразу заговорили и без причины стали громко смеяться.

They were walking now along the little path that led down to the river, and then ran along the water's edge, winding round the bushes on the bank, the pools, and the willows that overhung the water.

Теперь уж они шли по тропинке, которая спускалась вниз к реке и потом бежала у самой воды, огибая прибрежные кусты, промоины и вербы, нависшие над водой.

The bank and the path were scarcely visible, and the other bank was entirely plunged in darkness.

Берег и тропинка были еле видны, а другой берег весь тонул в потемках.

Stars were reflected here and there on the dark water; they quivered and were broken up on the surface -and from that alone it could be seen that the river was flowing rapidly.

Кое-где на темной воде отражались звезды; они дрожали и расплывались -- и только по этому можно было догадаться, что река текла быстро.

It was still.

Было тихо.

Drowsy curlews cried plaintively on the further bank, and in one of the bushes on the nearest side a nightingale was trilling loudly, taking no notice of the crowd of officers.

На том берегу стонали сонные кулики, а на этом, в одном из кустов, не обращая никакого внимания на толпу офицеров, громко заливался соловей.

The officers stood round the bush, touched it, but the nightingale went on singing.

Офицеры постояли около куста, потрогали его, а соловей все пел.

"What a fellow!" they exclaimed approvingly. "We stand beside him and he takes not a bit of notice!"

-- Каков? -- слышались одобрительные возгласы. -- Мы стоим возле, а он ноль внимания!

What a rascal!"

Этакая шельма!

At the end of the way the path went uphill, and, skirting the church enclosure, turned into the road.

В конце пути тропинка шла вверх и около церковной ограды впадала в дорогу.

Here the officers, tired with walking uphill, sat down and lighted their cigarettes.

Здесь офицеры, утомленные ходьбой на гору, посидели, покурили.

On the other side of the river a murky red fire came into sight, and having nothing better to do, they spent a long time in discussing whether it was a camp fire or a light in a window, or something else. . . .

На другом берегу показался красный тусклый огонек, и они от нечего делать долго решали, костер ли это, огонь ли в окне, или что-нибудь другое...

Ryabovitch, too, looked at the light, and he fancied that the light looked and winked at him, as though it knew about the kiss.

Рябович тоже глядел на огонь, и ему казалось, что этот огонь улыбался и подмигивал ему с таким видом, как будто знал о поцелуе.

On reaching his quarters, Ryabovitch undressed as quickly as possible and got into bed.

Придя на квартиру, Рябович поскорее разделся и лег.

Lobytko and Lieutenant Merzlyakov -- a peaceable, silent fellow, who was considered in his own circle a highly educated officer, and was always, whenever it was possible, reading the "Vyestnik Evropi," which he carried about with him everywhere -- were quartered in the same hut with Ryabovitch.

В одной избе с ним остановились Лобытко и поручик Мерзляков, тихий, молчаливый малый, считавшийся в своем кружке образованным офицером и всегда, где только было возможно, читавший "Вестник Европы", который возил всюду с собою.

Lobytko undressed, walked up and down the room for a long while with the air of a man who has not been satisfied, and sent his orderly for beer.

Лобытко разделся, долго ходил из угла в угол, с видом человека, который не удовлетворен, и послал денщика за пивом.

Merzlyakov got into bed, put a candle by his pillow and plunged into reading the "Vyestnik Evropi."

Мерзляков лег, поставил у изголовья свечу и погрузился в чтение "Вестника Европы".

"Who was she?" Ryabovitch wondered, looking at the smoky ceiling.

"Кто же она?" -- думал Рябович, глядя на закопченный потолок.

His neck still felt as though he had been anointed with oil, and there was still the chilly sensation near his mouth as though from peppermint drops.

Шея его все еще, казалось ему, была вымазана маслом и около рта чувствовался холодок, как от мятных капель.

The shoulders and arms of the young lady in lilac, the brow and

В воображении его мелькали плечи и руки сиреневой ба-

the truthful eyes of the fair girl in black, waists, dresses, and brooches, floated through his imagination.

рышни, виски и искренние глаза блондинки в черном, талии, платья, броши.

He tried to fix his attention on these images, but they danced about, broke up and flickered.

Он старался остановить свое внимание на этих образах, а они прыгали, расплывались, мигали.

When these images vanished altogether from the broad dark background which every man sees when he closes his eyes, he began to hear hurried footsteps, the rustle of skirts, the sound of a kiss and -- an intense groundless joy took possession of him. . . .

Когда на широком черном фоне, который видит каждый человек, закрывая глаза, совсем исчезали эти образы, он начинал слышать торопливые шаги, шорох платья, звук поцелуя и -- сильная беспричинная радость овладевала им...

Abandoning himself to this joy, he heard the orderly return and announce that there was no beer.

Предаваясь этой радости, он слышал, как денщик вернулся и доложил, что пива нет.

Lobytko was terribly indignant, and began pacing up and down again.

Лобытко страшно возмутился и опять зашагал.

"Well, isn't he an idiot?" he kept saying, stopping first before Ryabovitch and then before Merzlyakov.

"What a fool and a dummy a man must be not to get hold of any beer!

-- Ну, не идиот ли? -- говорил он, останавливаясь то перед Рябовичем, то перед Мерзляковым. -Каким надо быть болваном и дураком, чтобы не найти пива!

Eh?

А?

Isn't he a scoundrel?"

Ну, не каналья ли?

"Of course you can't get beer here," said Merzlyakov, not removing his eyes from the

-- Конечно, здесь нельзя найти пива, -- сказал Мерзляков, не отрывая глаз от

"Vyestnik Evropi."

"Вестника Европы".

"Oh!

-- Да?

<p>Is that your opinion?" Lobytko persisted. "Lord have mercy upon us, if you dropped me on the moon I'd find you beer and women directly!</p>	<p>Вы так думаете? -- приставал Лобытко. - Господи, Боже мой, забросьте меня на луну, так я сейчас же найду вам и пива и женщин!</p>
<p>I'll go and find some at once. . . .</p>	<p>Вот пойду сейчас и найду...</p>
<p>You may call me an impostor if I don't!"</p>	<p>Назовите меня подлецом, если не найду!</p>
<p>He spent a long time in dressing and pulling on his high boots, then finished smoking his cigarette in silence and went out.</p>	<p>Он долго одевался и натягивал большие сапоги, потом молча выкурил папироску и пошел.</p>
<p>"Rabbek, Grabbek, Labbek," he muttered, stopping in the outer room. "I don't care to go alone, damn it all!</p>	<p>-- Раббек, Граббек, Лаббек, -- забормотал он, останавливаясь в сенях. -- Не хочется идти одному, черт возьми.</p>
<p>Ryabovitch, wouldn't you like to go for a walk?</p>	<p>Рябович, не хотите ли променаж сделать?</p>
<p>Eh?"</p>	<p>А?</p>

Receiving no answer, he returned, slowly undressed and got into bed.

Не получив ответа, он вернулся, медленно разделся и лег.

Merzlyakov sighed, put the "Vyestnik Evropi" away, and put out the light.

Мерзляков вздохнул, сунул в сторону "Вестник Европы" и потушил свечу.

"H'm! . . ." muttered Lobytko, lighting a cigarette in the dark.

-- Н-да-с... -- пробормотал Лобытко, закуривая в потемках папиросу.

Ryabovitch pulled the bed-clothes over his head, curled himself up in bed, and tried to gather together the floating images in his mind and to combine them into one whole.

Рябович укрылся с головой и, свернувшись калачиком, стал собирать в воображении мелькающие образы и соединять их в одно целое.

But nothing came of it.

Но у него ничего не получилось.

He soon fell asleep, and his last thought was that some one had caressed him and made him happy -that something extraordinary, foolish, but joyful and delightful, had come into his life.

Скоро он уснул, и последней его мыслью было то, что кто-то обласкал и обрадовал его, что в его жизни совершилось что-то необыкновенное, глупое, но чрезвычайно хорошее и радостное.

The thought did not leave him even in his sleep.

Эта мысль не оставляла его и во сне.

When he woke up the sensations of oil on his neck and the chill of peppermint about his lips had gone, but joy flooded his heart just as the day before.

Когда он проснулся, ощущения масла на шее и мятного холодка около губ уж не было, но радость повчерашнему волной ходила в груди.

He looked enthusiastically at the window-frames, gilded by the light of the rising sun, and listened to the movement of the passers-by in the street.

Он с восторгом поглядел на оконные рамы, позолоченные восходящим солнцем, и прислушался к движению, происходившему на улице.

People were talking loudly close to the window.

У самых окон громко разговаривали.

Lebedetsky, the commander of Ryabovitch's battery, who had only just overtaken the brigade, was talking to his sergeant at the top of his voice, being always accustomed to shout.

Батарейный командир Рябовича, Лебедецкий, только что догнавший бригаду, очень громко, от непривычки говорить тихо, беседовал со своим фельдфебелем.

"What else?" shouted the commander.

-- А еще что? -- кричал командир.

"When they were shoeing yesterday, your high nobility, they drove a nail into Pigeon's hoof.

-- При вчерашней перековке, ваше высокоблагородие, Голубчика заковали.

The vet. put on clay and vinegar; they are leading him apart now.

Фельдшер приложил глины с уксусом. Ведут теперь в поводу сторонкой.

And also, your honour, Artemyev got drunk yesterday, and the lieutenant ordered him to be put in the limber of a spare gun-carriage."

А также, ваше высокоблагородие, вчера сь мастеровой Артемьев напился и поручик велели посадить его на передок запасного лафета.

The sergeant reported that Karpov had forgotten the new cords for the trumpets and the rings for the tents, and that their honours, the officers, had spent the previous evening visiting General Von Rabbek.

Фельдфебель доложил еще, что Карпов забыл новые шнуры к трубам и кольца к палаткам и что гг. офицеры вчерашний вечер изволили быть в гостях у генерала фон Раббека.

In the middle of this conversation the red-bearded face of Lebedetsky appeared in the window.

Среди разговора в окне показалась рыжебородая голова Лебедецкого.

He screwed up his short-sighted eyes, looking at the sleepy faces of the officers, and said good-morning to them.

Он пощурил близорукие глаза на сонные физиономии офицеров и поздоровался.

"Is everything all right?" he asked.	-- Все благополучно? -- спросил он.
"One of the horses has a sore neck from the new collar," answered Lobytko, yawning.	-- Коренная подседельная набила себе холку, -ответил Лобытко, зевая, -- НОВЫМ ХОМУТОМ.

The commander sighed, thought a moment, and said in a loud voice:	Командир вздохнул, подумал и сказал громко:
"I am thinking of going to see Alexandra Yevgrafovna.	-- А я еще думаю к Александре Евграфовне съездить.
I must call on her.	Надо ее проведать.
Well, good-bye.	Ну, прощайте.
I shall catch you up in the evening."	К вечеру я вас догоню.
A quarter of an hour later the brigade set off on its way.	Через четверть часа бригада тронулась в путь.
When it was moving along the road by the granaries, Ryabovitch looked at the house on the right.	Когда она двигалась по дороге мимо господских амбаров, Рябович поглядел вправо на дом.

The blinds were down in all the windows.	Окна были закрыты жалюзи.
Evidently the household was still asleep.	Очевидно, в доме все еще спали.
The one who had kissed Ryabovitch the day before was asleep, too.	Спала и та, которая вчера целовала Рябовича.
He tried to imagine her asleep.	Он захотел вообразить ее спящею.

The wide-open windows of the bedroom, the green branches peeping in, the morning freshness, the scent of the poplars, lilac, and roses, the bed, a chair, and on it the skirts that had rustled the day before, the little slippers, the little watch on the table -- all this he pictured to himself clearly and distinctly, but the features of the face, the sweet sleepy smile, just what was characteristic and important, slipped through his imagination like quicksilver through the fingers.

Открытое настежь окно спальни, зеленые ветки, заглядывающие в это окно, утреннюю свежесть, запах тополя, сирени и роз, кровать, стул и на нем платье, которое вчера шуршало, туфельки, часики на столе -- все это нарисовал он себе ясно и отчетливо, но черты лица, милая сонная улыбка, именно то, что важно и характерно, ускользало от его воображения, как ртуть из-под пальца.

When he had ridden on half a mile, he looked back: the yellow church, the house, and the river, were all bathed in light; the river with its bright green banks, with the blue sky reflected in it and glints of silver in the sunshine here and there, was very beautiful.

Проехав полверсты, он оглянулся назад: желтая церковь, дом, река и сад были залиты светом; река со своими ярко-зелеными берегами, отражая в себе голубое небо и кое-где серебрясь на солнце, была очень красива.

Ryabovitch gazed for the last time at Myestetchki, and he felt as sad as though he were parting with something very near and dear to him.

Рябович взглянул в последний раз на Местечки, и ему стало так грустно, как будто он расставался с чем-то очень близким и родным.

And before him on the road lay nothing but long familiar, uninteresting pictures.

А на пути перед глазами лежали одни только давно знакомые, неинтересные картины...

...

To right and to left,
fields of young rye and
buckwheat with rooks
hopping about in
them. If one looked
ahead, one saw dust
and the backs of men's
heads; if one looked
back, one saw the
same dust and faces. . .

Направо и налево по-
ля молодой ржи и
гречихи, с прыгаю-
щими грачами;
взглянешь вперед --
видишь пыль и за-
тылки, оглянешься
назад -- видишь ту
же пыль и лица...

Foremost of all
marched four men
with sabres -- this was
the vanguard.

Впереди всех шага-
ют четыре человека
с шашками -- это
авангард.

Next, behind, the
crowd of singers, and
behind them the
trumpeters on
horseback.

За ними толпа пе-
сельников, а за пе-
сельниками трубачи
верхами.

The vanguard and the
chorus of singers, like
torch-bearers in a
funeral procession,
often forgot to keep
the regulation distance
and pushed a long way
ahead. . .

Авангард и песель-
ники, как факельщи-
ки в похоронной
процессии, то и дело
забывают об устав-
ном расстоянии и за-
ходят далеко
вперед...

Ryabovitch was with the first cannon of the fifth battery.

Рябович находится у первого орудия пятой батареи.

He could see all the four batteries moving in front of him.

Ему видны все четыре батареи, идущие впереди его.

For any one not a military man this long tedious procession of a moving brigade seems an intricate and unintelligible muddle; one cannot understand why there are so many people round one cannon, and why it is drawn by so many horses in such a strange network of harness, as though it really were so terrible and heavy.

Для человека невоенного эта длинная, тяжелая вереница, какую представляет движущаяся бригада, кажется мудреной и мало понятной кашей; непонятно, почему около одного орудия столько людей и почему его везут столько лошадей, опутанных странной сбруей, точно оно и в самом деле так страшно и тяжело.

To Ryabovitch it was all perfectly comprehensible and therefore uninteresting.

Для Рябовича же все понятно, а потому крайне неинтересно.

He had known for ever so long why at the head of each battery there rode a stalwart bombardier, and why he was called a bombardier; immediately behind this bombardier could be seen the horsemen of the first and then of the middle units. Ryabovitch knew that the horses on which they rode, those on the left, were called one name, while those on the right were called another -- it was extremely uninteresting.

Behind the horsemen came two shaft-horses.

Он давно уже знает, для чего впереди каждой батареи рядом с офицером едет солидный фейерверке? и почему он называется уносным; вслед за спиной этого фейерверкера видны езовые первого, потом среднего выноса; Рябович знает, что левые лошади, на которых они сидят, называются подседельными, а правые подручными -- это очень неинтересно.

За езовым следуют две коренные лошади.

On one of them sat a rider with the dust of yesterday on his back and a clumsy and funny-looking piece of wood on his leg. Ryabovitch knew the object of this piece of wood, and did not think it funny.

На одной из них сидит ездовой со вчерашней пылью на спине и с неуклюжей, очень смешной деревяшкой на правой ноге; Рябович знает назначение этой деревяшки, и она не кажется ему смешною.

All the riders waved their whips mechanically and shouted from time to time.

Ездовые, все, сколько их есть, машинально взмахивают нагайками и изредка покрикивают.

The cannon itself was ugly.

Само орудие некрасиво.

On the fore part lay sacks of oats covered with canvas, and the cannon itself was hung all over with kettles, soldiers' knapsacks, bags, and looked like some small harmless animal surrounded for some unknown reason by men and horses.

На передке лежат мешки с овсом, прикрытые брезентами, а орудие все завешано чайниками, солдатскими сумками, мешочками и имеет вид маленького безвредного животного, которое неизвестно для чего окружили люди и лошади.

To the leeward of it marched six men, the gunners, swinging their arms.

По бокам его, с подветренной стороны, размахивая руками, шагают шесть человек прислуги.

After the cannon there came again more bombardiers, riders, shaft-horses, and behind them another cannon, as ugly and unimpressive as the first.

За орудием опять начинаются новые уносные, ездовые, коренные, а за ними тянется новое орудие, такое же некрасивое и невнушительное, как и первое.

After the second followed a third, a

За вторым следует третье, четвертое;

fourth; near the fourth
an officer, and so on.

около четвертого
офицер и т. д.

There were six
batteries in all in the
brigade, and four
cannons in each
battery.

Всех батарей в брига-
де шесть, а в каждой
батарее по четыре
орудия.

The procession
covered half a mile; it
ended in a string of
wagons near which an
extremely attractive
creature -- the ass,
Magar, brought by a
battery commander
from Turkey -- paced
pensively with his
long-eared head
drooping.

Вереница тянется на
полверсты. Заканчи-
вается она обозом,
около которого за-
думчиво, понурив
свою длинноухую го-
лову, шагает в выс-
шей степени симпа-
тичная рожа -- осел
Магар, вывезенный
одним батарейным
командиром из Тур-
ции.

Ryabovitch looked indifferently before and behind, at the backs of heads and at faces; at any other time he would have been half asleep, but now he was entirely absorbed in his new agreeable thoughts.

Рябович равнодушно глядел вперед и назад, на затылки и на лица; в другое время он задремал бы, но теперь он весь погрузился в свои новые, приятные мысли.

At first when the brigade was setting off on the march he tried to persuade himself that the incident of the kiss could only be interesting as a mysterious little adventure, that it was in reality trivial, and to think of it seriously, to say the least of it, was stupid; but now he bade farewell to logic and gave himself up to dreams. . . .

Сначала, когда бригада только что двинулась в путь, он хотел убедить себя, что история с поцелуем может быть интересна только как маленькое, таинственное приключение, что по существу она ничтожна и думать о ней серьезно по меньшей мере глупо; но скоро он махнул на логику рукой и отдался мечтам...

At one moment he imagined himself in Von Rabbek's drawing-room beside a girl who was like the young lady in lilac and the fair girl in black; then he would close his eyes and see himself with another, entirely unknown girl, whose features were very vague. In his imagination he talked, caressed her, leaned on her shoulder, pictured war, separation, then meeting again, supper with his wife, children.

...

"Brakes on!" the word of command rang out every time they went downhill.

То он воображал себя в гостиной у Раббека, рядом с девушкой, похожей на сиреневую барышню и на блондинку в черном; то закрывал глаза и видел себя с другою, совсем незнакомою девушкою с очень неопределенными чертами лица; мысленно он говорил, ласкал, склонялся к плечу, представлял себе войну и разлуку, потом встречу, ужин с женой, детей...

-- К валькам! -- раздавалась команда всякий раз при спуске с горы.

He, too, shouted "Brakes on!" and was afraid this shout would disturb his reverie and bring him back to reality. . . .

Он тоже кричал "к валькам!" и боялся, чтобы этот крик не порвал его мечты и не вызвал бы его к действительности...

As they passed by some landowner's estate Ryabovitch looked over the fence into the garden.

Проезжая мимо какого-то помещичьего имения, Рябович поглядел через палисадник в сад.

A long avenue, straight as a ruler, strewn with yellow sand and bordered with young birch-trees, met his eyes. . . .

На глаза ему попала длинная, прямая, как линейка, аллея, посыпанная желтым песком и обсаженная молодыми березками...

With the eagerness of a man given up to dreaming, he pictured to himself little feminine feet tripping along yellow sand, and quite unexpectedly had a clear vision in his imagination of the girl who had kissed him and whom he had succeeded in picturing to himself the evening before at supper.

This image remained in his brain and did not desert him again.

С жадностью размечтавшегося человека он представил себе маленькие женские ноги, идущие по желтому песку, и совсем неожиданно в его воображении ясно вырисовалась та, которая целовала его и которую он сумел представить себе вчера за ужином.

Этот образ остановился в его мозгу и уж не оставлял его.

At midday there was a shout in the rear near the string of wagons:

"Easy!

Eyes to the left!

Officers!"

The general of the brigade drove by in a carriage with a pair of white horses.

В полдень сзади, около обоза, раздался крик:

-- Смирно!

Глаза налево!

Господа офицеры!

В коляске, на паре белых лошадей, прокатил бригадный генерал.

He stopped near the second battery, and shouted something which no one understood.

Он остановился около второй батареи и закричал что-то такое, чего никто не понял.

Several officers, among them Ryabovitch, galloped up to them.

К нему поскакали несколько офицеров, в том числе и Рябович.

"Well?" asked the general, blinking his red eyes. "Are there any sick?"

-- Ну, как? Что? -- спросил генерал, моргая красными глазами. -- Есть больные?

Receiving an answer, the general, a little skinny man, chewed, thought for a moment and said, addressing one of the officers:

Получив ответы, генерал, маленький и тощий, пожевал, подумал и сказал, обращаясь к одному из офицеров:

"One of your drivers of the third cannon has taken off his leg-guard and hung it on the fore part of the cannon, the rascal.

-- У вас коренной ездовой третьего орудия снял наколенник и повесил его, каналья, на передок.

Reprimand him."

Взыщите с него.

He raised his eyes to Ryabovitch and went on:	Он поднял глаза на Рябовича и продолжал:
"It seems to me your front strap is too long."	-- А у вас, кажется, нашильники слишком длинные...
Making a few other tedious remarks, the general looked at Lobytko and grinned.	Сделав еще несколько скучных замечаний, генерал поглядел на Лобытко и усмехнулся.
"You look very melancholy today, Lieutenant Lobytko," he said. "Are you pining for Madame Lopuhov?"	-- А у вас, поручик Лобытко, сегодня очень грустный вид, -- сказал он. -- По Лопуховой скучаете?
Eh?	А?
Gentlemen, he is pining for Madame Lopuhov."	Господа, он по Лопуховой соскучился!
The lady in question was a very stout and tall person who had long passed her fortieth year.	Лопухова была очень полная и очень высокая дама, давно уже перевалившая за сорок.

<p>The general, who had a predilection for solid ladies, whatever their ages, suspected a similar taste in his officers.</p>	<p>Генерал, питавший пристрастие к крупным особам, какого бы возраста они ни были, подозревал в этом пристрастии и своих офицеров.</p>
<p>The officers smiled respectfully.</p>	<p>Офицеры почтительно улыбнулись.</p>
<p>The general, delighted at having said something very amusing and biting, laughed loudly, touched his coachman's back, and saluted.</p>	<p>Бригадный, довольный тем, что сказал что-то очень смешное и ядовитое, громко захохотал, коснулся кучерской спины и сделал под козырек.</p>
<p>The carriage rolled on. ...</p>	<p>Коляска покатила дальше...</p>

<p>"All I am dreaming about now which seems to me so impossible and unearthly is really quite an ordinary thing," thought Ryabovitch, looking at</p>	<p>"Все, о чем я теперь мечтаю и что мне теперь кажется невозможным и неземным, в сущности очень обыкновенно, -- думал Рябович, глядя на облака пыли,</p>
--	---

<p>the clouds of dust racing after the general's carriage. "It's all very ordinary, and every one goes through it. . . .</p>	<p>бежавшие за генеральской коляской. -- Все это очень обыкновенно и переживается всеми...</p>
<p>That general, for instance, has once been in love; now he is married and has children.</p>	<p>Например, этот генерал в свое время любил, теперь женат, имеет детей.</p>
<p>Captain Vahter, too, is married and beloved, though the nape of his neck is very red and ugly and he has no waist. . . .</p>	<p>Капитан Вахтер тоже женат и любим, хотя у него очень некрасивый красный затылок и нет талии...</p>
<p>Salrnanov is coarse and very Tatar, but he has had a love affair that has ended in marriage. . . .</p>	<p>Сальманов груб и слишком татарин, но у него был роман, кончившийся женитьбой...</p>
<p>I am the same as every one else, and I, too, shall have the same experience as every one else, sooner or later.!!</p>	<p>Я такой же, как и все, и переживу рано или поздно то же самое, что и все..."</p>

And the thought that he was an ordinary person, and that his life was ordinary, delighted him and gave him courage.

И мысль, что он обыкновенный человек и что жизнь его обыкновенна, обрадовала и подбодрила его.

He pictured her and his happiness as he pleased, and put no rein on his imagination.

Он уже смело, как хотел, рисовал ее и свое счастье и ничем не стеснял своего воображения...

When the brigade reached their halting-place in the evening, and the officers were resting in their tents, Ryabovitch, Merzlyakov, and Lobytko were sitting round a box having supper.

Когда вечером бригада прибыла к месту и офицеры отдыхали в палатках, Рябович, Мерзляков и Лобытко сидели вокруг сундука и ужинали.

Merzlyakov ate without haste, and, as he munched deliberately, read the "Vyestnik Evropi," which he held on his knees.

Мерзляков не спешил и, медленно жуя, читал "Вестник Европы", который держал на коленях.

Lobytko talked incessantly and kept filling up his glass with beer, and Ryabovitch, whose head was confused from dreaming all day long, drank and said nothing.

Лобытко без умолку говорил и подливал в стакан пиво, а Рябович, у которого от целодневных мечтаний стоял туман в голове, молчал и пил.

After three glasses he got a little drunk, felt weak, and had an irresistible desire to impart his new sensations to his comrades.

После трех стаканов он охмелел, ослабел, и ему неудержимо захотелось поделиться с товарищами своим новым ощущением.

"A strange thing happened to me at those Von Rabbeks'," he began, trying to put an indifferent and ironical tone into his voice. "You know I went into the billiard-room. . . ."

-- Странный случился со мной случай у этих Раббеков... -- начал он, стараясь придать своему голосу равнодушный и насмешливый тон. - Пошел я, знаете ли, в бильярдную...

He began describing very minutely the incident of the kiss, and a moment later relapsed into silence. .

Он стал рассказывать очень подробно историю с поцелуем и через минуту умолк...

In the course of that moment he had told everything, and it surprised him dreadfully to find how short a time it took him to tell it.

В эту минуту он рассказал все, и его страшно удивило, что для рассказа понадобилось так мало времени.

He had imagined that he could have been telling the story of the kiss till next morning.

Ему казалось, что о поцелуе можно рассказывать до самого утра.

Listening to him, Lobytko, who was a great liar and consequently believed no one, looked at him sceptically and laughed.

Выслушав его, Лобытко, много лгавший, а потому никому не веривший, недоверчиво посмотрел на него и усмехнулся.

Merzlyakov twitched his eyebrows and, without removing his eyes from the "Vyestnik Evropi," said:	Мерзляков пошевелил бровями и покойно, не отрывая глаз от "Вестника Европы", сказал:
"That's an odd thing!	-- Бог знает что!..
How strange! . . . throws herself on a man's neck, without addressing him by name. . . .	Бросается на шею, не окликнув...
She must be some sort of hysterical neurotic."	Должно быть, психопатка какая-нибудь.
"Yes, she must," Ryabovitch agreed.	-- Да, должно быть психопатка.... -- согласился Рябович.
"A similar thing once happened to me," said Lobytko, assuming a scared expression. "I was going last year to Kovno. . . .	-- Подобный же случай был однажды со мной... -сказал Лобытко, делая испуганные глаза. -- Еду я в прошлом году в Ковно...
I took a second-class ticket.	Беру билет второго класса...

<p>The train was crammed, and it was impossible to sleep.</p>	<p>Вагон битком набит, и спать невозможно.</p>
<p>I gave the guard half a rouble; he took my luggage and led me to another compartment. ...</p>	<p>Даю кондуктору полтину... Тот берет мой багаж и ведет меня в купе...</p>
<p>I lay down and covered myself with a rug. . . .</p>	<p>Ложусь и укрываюсь одеялом...</p>
<p>It was dark, you understand.</p>	<p>Темно, понимаете ли.</p>
<p>Suddenly I felt some one touch me on the shoulder and breathe in my face.</p>	<p>Вдруг слышу, кто-то трогает меня за плечо и дышит мне на лицо.</p>
<p>I made a movement with my hand and felt somebody's elbow. . . .</p>	<p>Я этак сделал движение рукой и чувствую чей-то локоть...</p>
<p>I opened my eyes and only imagine -- a woman.</p>	<p>Открываю глаза и, можете себе представить, -женщина!</p>

Black eyes, lips red as
a prime salmon,
nostrils breathing
passionately -- a
bosom like a buffer. . .

"

Черные глаза, губы
красные, как хоро-
шая семга, ноздри
дышат страстью,
грудь -- буфера...

"Excuse me,"
Merzlyakov
interrupted calmly, "I
understand about the
bosom, but how could
you see the lips if it
was dark?"

-- Позвольте, -- пере-
бил покойно Мерзля-
ков, -насчет груди я
понимаю, но как вы
могли увидеть губы,
если было темно?

Lobytko began trying
to put himself right
and laughing at
Merzlyakov's
unimaginativeness.

Лобытко стал изво-
рачиваться и смеять-
ся над несообрази-
тельностью Мерзля-
кова.

It made Ryabovitch
wince.

Это покорило Рябо-
вича.

He walked away from
the box, got into bed,
and vowed never to
confide again.

Он отошел от сунду-
ка, лег и дал себе сло-
во никогда не откоро-
венничать.

Camp life began. . . .

Наступила лагерная
жизнь...

The days flowed by,
one very much like
another.

Потекли дни, очень
похожие друг на дру-
га.

All those days
Ryabovitch felt,
thought, and behaved
as though he were in
love.

Во все эти дни Рябо-
вич чувствовал, мыс-
лил и держал себя,
как влюбленный.

Every morning when
his orderly handed
him water to wash
with, and he sluiced
his head with cold
water, he thought
there was something
warm and delightful
in his life.

Каждое утро, когда
денщик подавал ему
умываться, он, обли-
вая голову холодной
водой, всякий раз
вспоминал, что в его
жизни есть что-то
хорошее и теплое.

In the evenings when his comrades began talking of love and women, he would listen, and draw up closer; and he wore the expression of a soldier when he hears the description of a battle in which he has taken part.

Вечерами, когда товарищи начинали разговор о любви и о женщинах, он прислушивался, подходил ближе и принимал такое выражение, какое бывает на лицах солдат, когда они слушают рассказ о сражении, в котором сами участвовали.

And on the evenings when the officers, out on the spree with the setter -- Lobytko -- at their head, made Don Juan excursions to the "suburb," and Ryabovitch took part in such excursions, he always was sad, felt profoundly guilty, and inwardly begged her forgiveness. . . .

А в те вечера, когда подгулявшее оберофицерство с сеттером-Лобытко во главе делало донжуанские набеги на "слободку", Рябович, принимавший участие в набегах, всякий раз бывал грустен, чувствовал себя глубоко виноватым и мысленно просил у нее прощения...

In hours of leisure or on sleepless nights, when he felt moved to recall his childhood, his father and mother -- everything near and dear, in fact, he invariably thought of Myestetchki, the strange horse, Von Rabbek, his wife who was like the Empress Eugénie, the dark room, the crack of light at the door. . . .

В часы безделья или бессонные ночи, когда ему приходила охота вспоминать детство, отца, мать, вообще родное и близкое, он непременно вспоминал и Местечки, странную лошадь, Раббека, его жену, похожую на императрицу Евгению, темную комнату, яркую щель в двери...

On the thirty-first of August he went back from the camp, not with the whole brigade, but with only two batteries of it.

Тридцать первого августа он возвращался из лагеря, но уже не со своей бригадой, а с двумя батареями.

He was dreaming and excited all the way, as though he were going back to his native place.

Всю дорогу он мечтал и волновался, точно ехал на родину.

He had an intense longing to see again the strange horse, the church, the insincere family of the Von Rabbeks, the dark room. The "inner voice," which so often deceives lovers, whispered to him for some reason that he would be sure to see her . . . and he was tortured by the questions, How he should meet her?

Ему страстно хотелось опять увидеть странную лошадь, церковь, неискреннюю семью Раббеков, темную комнату; "внутренний голос", так часто обманывающий влюбленных, шептал ему почему-то, что он непременно увидит ее...

What he would talk to her about? Whether she had forgotten the kiss?

И его мучили вопросы: как он встретится с ней? о чем будет с ней говорить? не забыла ли она о поцелуе?

If the worst came to the worst, he thought, even if he did not meet her, it would be a pleasure to him merely to go through the dark room and recall the past. . . .

На худой конец, думал он, если бы даже она не встрети-лась ему, то для него было бы приятно уже одно то, что он пройдет по тем-ной комнате и ВСПОМНИТ...

Towards evening there appeared on the horizon the familiar church and white granaries.

К вечеру на горизон-те показались знако-мая церковь и белые амбары.

Ryabovitch's heart beat. . . .

У Рябовича забилося сердце...

He did not hear the officer who was riding beside him and saying something to him, he forgot everything, and looked eagerly at the river shining in the distance, at the roof of the house, at the dovecote round which the pigeons were circling in the light of the setting sun.

Он не слушал офице-ра, ехавшего рядом и что-то говорившего ему, про все забыл и с жадностью всмат-ривался в блестя-щую вдали реку, в крышу дома, в голу-бятню, над которой кружились голуби, освещенные захо-дившим солнцем.

When they reached the church and were listening to the billeting orders, he expected every second that a man on horseback would come round the church enclosure and invite the officers to tea, but . . . the billeting orders were read, the officers were in haste to go on to the village, and the man on horseback did not appear.

Подъезжая к церкви и потом выслушивая квартирьера, он ждал каждую секунду, что из-за ограды покажется верховой и пригласит офицеров к чаю, но... доклад квартирьеров кончился, офицеры спешили и побрели в деревню, а верховой не показывался...

"Von Rabbek will hear at once from the peasants that we have come and will send for us," thought Ryabovitch, as he went into the hut, unable to understand why a comrade was lighting a candle and why the orderlies were hurriedly setting samovars. . .

"Сейчас Раббек узнает от мужиков, что мы приехали, и пришлет за нами", -- думал Рябович, входя в избу и не понимая, зачем это товарищ зажигает свечу и зачем денщики спешат ставить самовары...

<p>A painful uneasiness took possession of him.</p>	<p>Тяжелое беспокойство овладело им.</p>
<p>He lay down, then got up and looked out of the window to see whether the messenger were coming.</p>	<p>Он лег, потом встал и поглядел в окно, не едет ли верховой?</p>
<p>But there was no sign of him.</p>	<p>Но верхового не было.</p>
<p>He lay down again, but half an hour later he got up, and, unable to restrain his uneasiness, went into the street and strode towards the church.</p>	<p>Он опять лег, через полчаса встал и, не выдержав беспокойства, вышел на улицу и зашагал к церкви.</p>
<p>It was dark and deserted in the square near the church. ...</p>	<p>На площади, около ограды, было темно и пустынно...</p>
<p>Three soldiers were standing silent in a row where the road began to go downhill.</p>	<p>Какие-то три солдата стояли рядом у самого спуска и молчали.</p>

Seeing Ryabovitch,
they roused
themselves and
saluted.

Увидев Рябовича,
они вострепнулись и
отдали честь.

He returned the salute
and began to go down
the familiar path.

Он откозырял им в
ответ и стал спус-
каться вниз по зна-
комой тропинке.

On the further side of
the river the whole sky
was flooded with
crimson: the moon
was rising; two
peasant women,
talking loudly, were
picking cabbage in the
kitchen garden;
behind the kitchen
garden there were
some dark huts. . . .

На том берегу все
небо было залито
багровой краской:
восходила луна; ка-
кие-то две бабы,
громко разговари-
вая, ходили по огоро-
ду и рвали капуст-
ные листья; за огоро-
дами темнело
несколько изб...

And everything on the near side of the river was just as it had been in May: the path, the bushes, the willows overhanging the water . . . but there was no sound of the brave nightingale, and no scent of poplar and fresh grass.

А на этом берегу было все то же, что и в мае: тропинка, кусты, вербы, нависшие над водой... только не слышно было храброго соловья, да не пахло топодем и молодой травой.

Reaching the garden, Ryabovitch looked in at the gate.

Дойдя до сада, Рябович заглянул в калитку.

The garden was dark and still. . . .

В саду было темно и тихо...

He could see nothing but the white stems of the nearest birch-trees and a little bit of the avenue; all the rest melted together into a dark blur.

Видны были только белые стволы ближайших берез да кусточек аллеи, все же остальное мешалось в черную массу.

Ryabovitch looked and listened eagerly, but after waiting for a quarter of an hour

Рябович жадно вслушивался и всматривался, но, простояв с четверть часа и не

without hearing a sound or catching a glimpse of a light, he trudged back. . . .	дождавшись ни звука, ни огонька, поплелся назад...
He went down to the river.	Он подошел к реке.
The General's bathhouse and the bath-sheets on the rail of the little bridge showed white before him. . . .	Перед ним белели генеральская купальня и простыни, висевшие на перилах мостика...
He went on to the bridge, stood a little, and, quite unnecessarily, touched the sheets.	Он взошел на мостик, постоял и без всякой надобности потрогал простыню.
They felt rough and cold.	Простыня оказалась шершавой и холодной.
He looked down at the water. . . .	Он поглядел вниз на воду...
The river ran rapidly and with a faintly audible gurgle round the piles of the bathhouse.	Река бежала быстро и едва слышно журчала около сваен купальни.

The red moon was reflected near the left bank; little ripples ran over the reflection, stretching it out, breaking it into bits, and seemed trying to carry it away.

Красная луна отражалась у левого берега; маленькие волны бежали по ее отражению, растягивали его, разрывали на части и, казалось, хотели унести...

"How stupid, how stupid!" thought Ryabovitch, looking at the running water. "How unintelligent it all is!"

"Как глупо! Как глупо! -- думал Рябович, глядя на бегущую воду. -- Как все это не умно!"

Now that he expected nothing, the incident of the kiss, his impatience, his vague hopes and disappointment, presented themselves in a clear light.

Теперь, когда он ничего не ждал, история с поцелуем, его нетерпение, неясные Надежды и разочарование представлялись ему в ясном свете.

It no longer seemed to him strange that he had not seen the General's messenger, and that he would never see the girl who had accidentally kissed him instead of some one else; on the contrary, it would have been strange if he had seen her. . . .

Ему уж не казалось странным, что он не дождался генеральского верхового и что никогда не увидит той, которая случайно поцеловала его вместо другого; напротив, было бы странно, если бы он увидел ее...

The water was running, he knew not where or why, just as it did in May.

Вода бежала неизвестно куда и зачем.

In May it had flowed into the great river, from the great river into the sea; then it had risen in vapour, turned into rain, and perhaps the very same water was running now before Ryabovitch's eyes again. . . .

Бежала она таким же образом и в мае; из речки в мае месяце она влилась в большую реку, из реки в море, потом испарилась, обратилась в дождь, и быть может, она, та же самая вода, опять бежит теперь перед глазами Рябовича...

What for?

К чему?

Why?

Зачем?

And the whole world,
the whole of life,
seemed to Ryabovitch
an unintelligible,
aimless jest. . . .

И весь мир, вся
жизнь показались
Рябовичу непонят-
ной, бесцельной
шуткой...

And turning his eyes
from the water and
looking at the sky, he
remembered again
how fate in the person
of an unknown
woman had by chance
caressed him, he
remembered his
summer dreams and
fancies, and his life
struck him as
extraordinarily
meagre, poverty-
stricken, and
colourless. . . .

А отведя глаза от во-
ды и взглянув на
небо, он опять
вспомнил, как судь-
ба в лице незнако-
мой женщины неча-
янно обласкала его,
вспомнил свои лет-
ние мечты и образы,
и его жизнь показа-
лась ему необыкновенно
скудной, убо-
гой и бесцветной...

When he went back to
his hut he did not find
one of his comrades.

Когда он вернулся к
себе в избу, то не за-
стал ни одного това-
рища.

The orderly informed him that they had all gone to "General von Rabbek's, who had sent a messenger on horseback to invite them. ..."

Денщик доложил ему, что все они ушли к "генералу Фонтрябкйну", присланшему за ними верхового...

For an instant there was a flash of joy in Ryabovitch's heart, but he quenched it at once, got into bed, and in his wrath with his fate, as though to spite it, did not go to the General's.

На мгновение в груди Рябовича вспыхнула радость, но он тотчас же потушил ее, лег в постель и назвал своей судьбе, точно желая досадить ей, не пошел к генералу.